

Холодный белый свет в прихожей сменился мягким янтарным сиянием. От этого дом сразу показался уютным, словно укутанным в тёплую невидимую вуаль. Из глубины комнат доносилась тихая музыка — неторопливая, успокаивающая баллада на каком-то редком европейском наречии.

Замерев на пороге, Цинь Хо огляделся. Его некогда строгая, стерильная обитель преобразилась до неузнаваемости. Привычный интерьер неуловимо изменился: мебель сдвинули с прежних мест, и просторная гостиная, раньше казавшаяся гулкой и пустой, теперь выглядела обжитой и на удивление гостеприимной. У окна на паркете пестрели несколько тканых ковров ручной работы с затейливыми восточными узорами. Поверх них живописной грудой были брошены пухлые мягкие подушки — так и манящие прилечь и забыть обо всех заботах.

На спинке дивана — к которому раньше никто и близко не подходил — уютно устроился широкий плед густого бордового цвета. Один его край небрежно свисал до самого пола, ярким пятном оживляя строгие монохромные тона комнаты. В груди Цинь Хо шевельнулось странное, прежде незнакомое чувство. Он переборол мимолётное желание аккуратно сложить плед и повёл глазами дальше. Взгляд скользнул по комоду, задержался на журнальном столике. Повсюду выстроились изящные вазы, которых раньше здесь точно не было. В них теснились охапки свежих, усыпанных каплями росы цветов, будто только что принесённых из утреннего сада.

— Ха-ха-ха!

Сквозь приглушённые переборы гитары внезапно прорвался залиvistый смех. Цинь Хо опешил. Повернувшись на звук, он увидел, как из кухни, весело переговариваясь, выходят обе его экономки. На их круглых, исчерченных добрыми морщинками лицах сияли широкие улыбки. В руках они бережно несли исходящий паром традиционный хого.

Тётушка Сунь и тётушка Ю проработали у него не один год, но при хозяине всегда вели себя тише воды ниже травы, выказывая предельную осторожность и почтение. Цинь Хо и представить не мог, что они умеют так искренне, беззаботно радоваться. Сейчас, с прищуренными от смеха глазами и мягкими, светящимися нежностью лицами, они походили на заботливых бабушек из полузабытых детских воспоминаний.

— Ах ты, негодник! — шутливо ворчала на ходу тётушка Сунь, обращаясь к кому-то в гостиной.
— Чуть что — сразу ластиться к старухам! Но смотри, на ночь глядя не объедайся. Желудок испортишь, потом всю ночь промучишься!

Из-за спинки дивана, на которой висел плед, вдруг взметнулась тонкая, белоснежная мальчишеская ступня. Цинь Хо невольно залюбовался ею. Владелец этой аккуратной ножки лениво покачивал ею в воздухе, забавно шевеля пальцами и пытаясь зацепить край ковра. Наконец, решив, что этого мало, юноша резко сел. Растрёпанная макушка, заспанное лицо — и капризные, требовательные нотки, какие бывают лишь у тех, кто привык купаться во всеобщей любви:

— Тётушка, а говядины побольше нарежете?

— Ох! Председатель Цинь! — Тётушка Ю, только что смотревшая на парня с обожанием любящей бабушки, заметила застывшую у входа фигуру. Улыбка мгновенно сползла с её лица. Растерянно засуетившись, она поспешила навстречу: — Господин председатель, мы... мы не ждали...

Тётушка Сунь торопливо закивала, пытаясь сгладить неловкость:

— Вы только не подумайте ничего плохого, господин председатель! Мы не знали, что вы вернётесь так рано... Днём наводили тут порядок, закрутились и совсем забыли про ужин, вот и решили...

Из медного котелка, подогреваемого углями, валил густой пар. В кипящем бульоне бурлили специи, зелёный лук и чеснок, распространяя по комнате умопомрачительный аромат. Желудок Цинь Хо предательски сжался. Он вдруг вспомнил, что сам сегодня ни маковой росинки во рту не держал. Но, глядя на виновато опущенные головы женщин, которые ещё минуту назад светились счастьем, он почувствовал странную смесь неловкости и глухой тоски. Вкусный запах больше не манил — аппетит пропал начисто.

Просить о чём-то бытовом или навязываться он не умел, да и не хотел. Ничего не сказав, Цинь Хо просто протянул ключи от машины тётушке Сунь и привычным размеренным шагом направился к лестнице, намереваясь запереться в кабинете.

— Председатель Цинь, — окликнул его звонкий, чистый голос.

Остановившись на полпути, он обернулся. Юань Шан, небрежно шлёпая домашними тапочками, с мягкой полуулыбкой смотрел на него. Каждая деталь его облика — вплоть до упрямых вихров на макушке — излучала абсолютную свободу.

— У нас тут хого. Не желаете присоединиться?

Цинь Хо пристально всмотрелся в его лицо. Убедившись, что приглашение прозвучало искренне, без тени дежурной вежливости, он почувствовал, как напряжение, сковавшее плечи, слегка отпустило.

— Спасибо, не стоит, — ответил он. Цинь Хо терпеть не мог поздние ужины, но дружелюбный жест оценил, и голос его зазвучал мягче. — Компания в кратчайшие сроки уладит проблему с Чжоу Чжаньсяо, чтобы твоей безопасности ничего не угрожало. Как только всё утрясется, тебе подберут другое жильё. А пока располагайся здесь. Я редко тут бываю. Можешь пользоваться всем, кроме второго этажа. Если что-то понадобится — сразу звони помощнику Му.

Цинь Хо запнулся, поймав себя на мысли, что судя по увиденному хаосу, этот парень вряд ли

способен испытывать неловкость или стеснение. Лишние слова утешения, которые всё равно давались с трудом, были ни к чему.

Юань Шан проводил взглядом его высокую, статную фигуру, скрывшуюся в полумраке второго этажа. Ему показалось, что от этого широкого разворота плеч веет каким-то щемящим, невыразимым одиночеством.

«Ну и чудак, — подумал Юань Шан. — И ради чего он так надрывается на работе? Впахивает сутками, ворочает миллионами, а элементарных радостей жизни не знает. Тоска же смертная так жить».

Тук-тук-тук.

В дверь постучали — деликатно, едва слышно. Оторвавшись от мерцающего монитора, Цинь Хо слегка нахмурился:

— Войдите.

На пороге показалась тётушка Ю с подносом в руках, на котором дышал жаром небольшой глиняный горшочек. Из-под крышки доносилось уютное шкворчание кипящего варева, а следом в комнату вплыл удивительно аппетитный, сытный аромат.

— Господин председатель, это густая рисовая каша на наваристом бульоне из мозговых косточек. Господин Юань очень просил передать вам пиалу, — затараторила женщина, словно боясь, что её отчитают. Быстро поставив поднос на край стола, она попятилась к выходу и уже в дверях робко добавила: — Если не захотите — просто оставьте, я потом заберу посуду.

Тяжёлая дубовая дверь закрылась, бесшумно отрезав кабинет от внешнего мира. Цинь Хо некоторое время гипнотизировал взглядом глиняные бока горшочка, а затем, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, потянулся и снял крышку. Плотное облако ароматного пара мгновенно окутало его домашним теплом. Первая же ложка обжигающей, сытной каши скользнула в желудок — и натянутые, как струны, нервы после тяжёлого рабочего дня наконец начали расслабляться.

Покончив с этим непривычно поздним ужином, возвращаться к делам он уже не мог — мысли путались. Цинь Хо щёлкнул зажигалкой, закурил и, устроившись у окна, задумчиво уставился на висевшую в рамке старую семейную фотографию.

«Когда меня в последний раз вот так просто кормили посреди ночи?»

Кажется, целую вечность назад.

Выведа размашистую подпись на последней странице договора, У Сяюэ на миг замер, чувствуя, как реальность вокруг обретает новые, зыбкие очертания. Напротив него сидел представитель кинокомпании «Четыре Моря». Широко улыбаясь, мужчина протянул руку для рукопожатия:

— Ну что же, поздравляю с контрактом. Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

Сяюэ заторможенно протянул руку в ответ. Внутри билась лишь одна настойчивая мысль: теперь пути назад нет. С этой секунды он официально стал частью шоу-бизнеса.

Как сложится его судьба? Взлетит ли он на вершину Олимпа или пополнит армию безвестных дебютантов, сгинувших в бездне забвения? Ответ не знал никто. Немного поколебавшись, У Сяюэ всё же озвучил терзавший его вопрос:

— Господин Линь, а когда компания планирует заняться моим дебютным альбомом?

Собеседник снисходительно усмехнулся, глядя на него как на наивного ребёнка:

— Не гони лошадей. Музыкальный рынок сейчас переживает не лучшие времена. К тому же наше подразделение специализируется на кинопроизводстве, так что финансирование на запись дисков выделяется строго по очереди. Придётся подождать.

Перед мысленным взором У Сяюэ невольно возник образ Юань Шана. Но вслух он решил привести в пример другого соперника:

— Но как же Цзян Се? В кинокомпании «Минчэн» обещали выпустить его сингл в самое ближайшее время.

— Он победитель шоу, к тому же за него похлопотали авторитетные люди в индустрии, так что преференции вполне объяснимы, — Линь продолжал улыбаться, но в его голосе прорезалось лёгкое раздражение. — Да и завидовать тут нечему. Выпустить песню сейчас проще простого, а вот заставить её выстрелить — задача почти невыполнимая. Не факт, что сам Цзян Се в восторге от этих подачек. С возможностями продвижения у «Минчэн» всегда было туго... Так что не строй иллюзий на их счёт. Время всё расставит по местам.

Сунь Цинхань придирчиво оглядел своего подопечного:

— Округлился.

Точнее, парень просто посвежел. Вес остался прежним, но серая бледность ушла, уступив

место здоровому румянцу и какому-то внутреннему свечению. Юань Шан прекрасно видел, что менеджер исходит завистью, но лишь хмыкнул и открутил крышку термоса. Две экономки всю ночь томили для него пшённую кашу на наваристом курином бульоне. На жёлтой бархатистой поверхности аппетитно алели ягоды годжи. Насыщенный, дразнящий аромат мгновенно заполнил коридор, заставляя случайных прохожих сворачивать шеи. Сунь Цинхань шумно сглотнул слюну. Поняв, что делиться с ним никто не собирается, он оскорбился в лучших чувствах, демонстративно сфотографировал термос на телефон и выложил снимок в рабочую сеть с шутливой жалобой на «эгоистичную звезду». Спустя минуту он обновил страницу — лента комментариев уже лопалась от восторженных вздохов фанатов.

В эпоху расцвета соцсетей грамотное ведение блогов приносило колоссальные плоды, позволяя отслеживать рост популярности артиста буквально в реальном времени. Ради продвижения Сунь Цинхань недавно завёл рабочий аккаунт в вейбо. Изюминка заключалась в том, что посты публиковались не от лица самого Юань Шана, а от имени его менеджера, который делился забавными моментами из закулисной жизни подопечного. Подобный неофициозный формат зашёл аудитории на ура. Подписчикам безумно нравилось заглядывать за кулисы чужой жизни через призму чужого ироничного взгляда. Всего за несколько дней аудитория блога перевалила за миллион. Скандальная дуэль с Жэнь Пиншэном в сочетании с потрясающими промо-кадрами к фильму «Цзянху» сделала своё дело — имя Юань Шана теперь было у всех на слуху.

Разумеется, ложка дёгтя находилась всегда. Парочка бестактных комментаторов изрядно попортила Сунь Цинханю кровь своими ядовитыми выпадами. Попытавшись разобраться, откуда дует ветер, менеджер углубился в первоисточники и злобно процедил:

— У этого Жэнь Пиншэна совсем крыша поехала? Что ни день, то новая пакость.

— Что там такое? — Юань Шан как раз пересматривал финал «Голоса Вселенной» на планшете. На экране крутили момент награждения победителя. Человек, вышедший на сцену под титром «Генеральный продюсер проекта», внешне не имел ничего общего с У Биньцином.

Приблизившись к менеджеру, Юань Шан заглянул в его телефон. На экране светилось официальное заявление пиар-службы Жэнь Пиншэна. Именитый мэтр выкупил права на финальную песню Цзян Се и планировал записать с ним совместный сингл. Фанатское сообщество молодого исполнителя буквально сошло с ума от счастья. Решив, что их любимчик поймал бога за бороду, окрылённые фанаты принялись поливать грязью остальных участников телешоу.

По закону жанра, досталось и Юань Шану. Из-за недавнего конфликта с мэтром хейтеры не упускали возможности уколоть его побольнее. Некоторые особо ретивые поклонники Жэнь Пиншэна под фейковыми аккаунтами открыто злорадствовали, намекая, что «кое-кто слишком заносчивый» скоро горько пожалеет о своём неуважении к старшим.

Пока Сунь Цинхань метал громы и молнии, Юань Шан лишь снисходительно усмехнулся. Сделка Жэнь Пиншэна с Цзян Се его искренне позабавила. Насколько он помнил, с тех пор как его собственное здоровье пошатнулось и он загремел в больницу, прекратив писать хиты, Лао

Жэнь не выпустил ни единого стоящего трека — то есть почти два года молчания. Цзоу Минь так и не смогла продвинуть его в кинематографе, а расставаться со статусом поп-короля Пиншэну очень не хотелось. Вот и приходилось крутиться, цепляясь за любую соломинку и опускаясь до того, чтобы выкупать материал у вчерашних дебютантов.

Цзян Се, несомненно, одарён, но он всё ещё оставался неопытным юнцом. Его финальная песня была лучшим, что он создал на данный момент, но при повторном прослушивании она теряла первоначальный лоск — ей не хватало глубины. К тому же этот трек уже крутили по телевидению на всю страну. Жэнь Пиншэн всерьёз полагал, что стоит ему приправить эту «разогретую кашу» своим громким именем, как преданная публика безропотно всё схавает?

Цзян Се было чисто по-человечески жаль. Шедевр, который берегут для финала, рождается не каждый день — это пик творческих возможностей автора. Но стоило парню заявить о себе, как откуда ни возьмись вылез ушлый ветеран сцены и прибрал готовенькое к рукам. Юань Шан прикинул, как бы сам отреагировал на его месте. Наверняка парень сейчас скрежетал зубами от ярости. Вот только деваться некуда: Жэнь Пиншэн — признанный мэтр, который обставил всё как «бескорыстную поддержку молодого таланта». Слеплённая восторгом толпа даже не поняла, что у их кумира нагло украли победу. И как тут возразишь?

Размышления прервал звонок. Сунь Цинхань, коротко переговорив по телефону, обернулся к подопечному:

— Давай поживее, для нас освободили студию.

Студия звукозаписи Группы компаний «Четыре Моря» считалась одной из лучших в стране, поэтому пользовалась огромным спросом не только у своих артистов, но и у сторонних лейблов, арендовавших её за баснословные деньги. График здесь был расписан жёстче, чем рабочий день топовых знаменитостей, так что музыканты предпочитали приезжать заранее, чтобы не упустить ни минуты драгоценного времени.

Прождав всё утро, они наконец поспешили к дверям павильона, но столкнулись на пороге с компанией, при виде которой Сунь Цинхань изумлённо округлил глаза.

Жэнь Пиншэн, склонившись, что-то вкрадчиво объяснял Цзян Се. Молодой музыкант слушал его безучастно, уставившись в пол, из-за чего забавный хвостик на его макушке уныло покачивался. Замерев на мгновение при виде Юань Шана, Цзян Се поймал его ободряющую улыбку, немного поколебался, но всё же вежливо кивнул в ответ.

Стоявшая рядом менеджер Цзян Се тут же недовольно пихнула парня локтем в бок. К счастью, Юань Шан не стал задерживаться. Он прошёл мимо, даже не удостоив Жэнь Пиншэна взглядом. Стоило дверям студии закрыться за вошедшими, как сопровождающая Цзян Се залебезила перед поп-королём, брызжа слюной:

— Ишь, вылупились! Нынешняя молодёжь совсем берега попутала, никакого почтения к старшим! Возомнили о себе невесть что!

Цзян Се едва сдержался, чтобы не поморщиться от отвращения к этому лизоблюдству. Жэнь Пиншэн тоже проигнорировал подхалимку. Проводив взглядом Юань Шана, он повернулся к своему помощнику:

— Он тоже пришёл записываться? Кто автор материала?

Тот ненадолго задумался:

— Кажется, он сам всё пишет. И стихи, и музыку.

Пиншэн промолчал. Спустя минуту он тяжело, театрально вздохнул, и на его лице отразилось искреннее сожаление:

— Способный малый. Жаль, Сяо Минь умудрилась так глупо с ним рассориться. Если бы не это, мы могли бы выкупить его песни...

Получив очередной предупредительный тычок локтем под рёбра от своего менеджера, Цзян Се закатил глаза и демонстративно отошёл на пару шагов.

«Больной ублюдок, — ярился он про себя, сжимая кулаки. — Закатать бы тебе губу обратно. Держи карман шире, блять! Кто вообще захочет продавать тебе своё творчество, сучий ты потрох!»

<http://bllate.org/book/20476/2140362>